

СКАЗКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ. ПЁТР БОЛЬШАКОВ

ДРУГОЙ КОЛОБОК

Пётр Большаков

ДРУГОЙ КОЛОБОК

<https://litres.ru/74359792>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если ты когда-нибудь просыпался с чувством, что твоё имя — не твоё, а твоя жизнь — не твоя, эта сказка для тебя.

Если ты уставал слушать, как правильно дышать, сидеть, спать, есть и любить, — она тоже для тебя.

Здесь не будет привычного Колобка, которого съела Лиса. Здесь будет девочка, которую нашли в лесу и называли чужим именем. И лес, который не хочет её отпускать. И звери, которые говорят не о голоде, а о зеркалах, банках с мёдом и бесплатных объятиях по таймеру.

Это не история побега. Это история, в которой побег оказывается возвращением.

Здесь нет морали. Есть тишина, краюха хлеба в узелке, старая varezhka и море, которого нет на карте, но оно есть за поворотом.

«Другой Колобок» — для тех, кто готов перекатиться в свою собственную сказку. Или хотя бы представить, как это — перестать быть тем, кем тебя слепили.

Книга — не для быстрого чтения. Для ночи. Для крыльца. Для ветра с солью.

Не верь аннотации. Верь первой странице.

Пётр Большаков

ДРУГОЙ КОЛОБОК

Пётр Большаков

«Другой Колобок»

Цикл «Сказки нового времени»

Поставангард. Притча. Сказка

Часть первая: Краюха в узелке

1.

В лесу её нашли в мокрой траве под сосной. Бабка ходила за грибами, наклонилась, а там — свёрток, не первый день. Ребёнок не плакал, только сопел и перекатывался с боку на бок. Пухлый. Тёплый. — Ой, — сказала Бабка. — Колобок. Дед тогда ещё не верил в приметы. Потрогал свёрток вилами, вздохнул и понёс домой. Назвать решили позже, а потом как-то не сложилось. Потому что прозвище прилипло сразу и намертво. Девочка росла круглолицей, спала беспокойно и в самом деле скатывалась с лавки на пол, если её не подпереть подушкой. Бабка говорила «Колобок наш укатился» —

и все смеялись. Смеялись ровно до тех пор, пока Колобок не научилась говорить и не сказала в ответ: «Я не колобок. У меня есть имя». — Какое? — спросил Дед. Девочка задумалась. Потом сказала первое, что пришло в голову: — Марина. — Ну нет, — сказала Бабка. — Марина — это дочка кузнеца. Не выдумывай. Так она и осталась Колобком. Имя, данное лесом, отменить оказалось проще, чем то, которое прилепила Бабка с перепугу.

2.

В детстве это было мило. Её кормили манной кашей с маслом, укутывали в три платка и говорили «Колобочек наш» с таким умилением, что девочка верила: это ласка. Потом ласка кончилась. Начались нравоучения. — Колобок, не сиди на сквозняке, лёгкие выступишь. — Колобок, ходи прямо, а то перекатываться будешь до старости. — Колобок, откусила полпирожка, — доешь, нечего добру пропадать. — Колобок, от бабушки не уйдёшь, я всё равно старше и быстрее хожу. Она пыталась спорить. В семь лет сказала: «Вы меня нашли, а не родили. Я вообще-то лесная». Дед тогда вытащил свою тетрадь в клеёнчатой обложке, где вёл «Наблюдения за перекачиванием», и прочитал вслух: «Третьего октября. Колобок скатилась с крыльца и ударилась головой о кадку. Плакала. Вывод: неуправляема, но перспективна». — Видишь? — сказал Дед. — Перспективна. А лесные бывают только в

сказках дурацких. В одиннадцать лет Колобок попыталась уйти в первый раз. Дошагала до околицы, села на пенёк, подумала и вернулась, потому что забыла краюху. Бабка сказала: «Я знала». Дед записал: «Побег не удался. Причина — голод».

3.

В шестнадцать лет Колобок была уже не пухлой. Вытянулась, похудела, но прозвище осталось. Как шрам. Как приговор. Бабка каждое утро: «Колобок, волосы расчеши, а то гнездо воронье». Дед с порога: «Колобок, работать идти или так и будешь по лавкам перекатываться?» Она работала. Мела двор, носила воду, полола грядки. Но дед всё равно говорил про лавки. Однажды вечером Колобок сидела на крыльце, смотрела, как звёзды зажигаются над лесом, и вдруг поняла: они не злые. Они просто не знают, как без неё. И это страшнее злости. Потому что если ты нужен, чтобы о тебя вытирали свою тревогу, — ты не внучка. Ты полотенце. Она заснула тогда на крыльце, и во сне снова скатилась. Теперь уже с трёх ступенек. Ударилась локтем, проснулась, тихо заплакала. Утром Дед записал: «Скатилась во сне. Локоть цел. Нервы — нет».

4.

Уходила Колобок без пафоса. Собрала узелок: краюха хлеба, соль в тряпице, чистые портянки, маленький нож, который дед подарил на двенадцать лет («для резьбы, а не для глупостей»), и бабкино платье, которое та всё равно не носила, потому что «цвет не мой, линялый какой-то». Надела сапоги по колено. Взяла палку — не для защиты, для опоры. На калитке остановилась. Обернулась. Бабка спала на печи. Дед в сарае точил ножницы для стрижки овец, которых у них не было уже три года. Колобок сказала громко и чётко: — Я от бабушки ушла. Помолчала. — Я от дедушки ушла. И добавила тише, для себя: — И хватит. Калитка скрипнула. Лес принял её без вопросов.

5.

Первым ей встретился Заяц. Он сидел под старым дубом, держал перед собой картонку с надписью «Бесплатные объятия. 2 минуты. Таймер запущен». Рядом лежали песочные часы, почти пустые. — Ты кто? — спросил Заяц, не поднимая головы. Он перебирал лапами мелкие камешки и складывал их в кучку по цвету. — Колобок. — Имя есть? — Было. Марина. Но не прижилось. Заяц кивнул, словно это было самым обычным делом. Перевернул часы. Песок посыпался заново. — Ты куда идёшь? — От бабушки и дедушки. — Это причина. Я спросил про направление. Колобок задумалась. Никогда раньше ей не задавали таких вопросов. Дома

все знали, куда она идёт: в огород, в погреб, в лес по грибы, в постель спать. Направление всегда было задано кем-то другим. — Не знаю, — сказала она честно. Заяц поднял голову. Глаза у него были жёлтые, уставшие, но не злые. — Это хороший ответ, — сказал он. — Держись левой стороны до развилки. Там будет Волк. Не смотри ему в пасть. Он там отражение ловит и расстраивается. — Почему расстраивается? — Потому что у него пасть, а отражается как морда. Несовпадение форм. Волк комплексует. Песок в часах кончился. Заяц встал, стряхнул штаны, взял картонку. — Время вышло, — сказал он. — Дальше сама. И запомни: объятия бесплатные, но только если ты не ждёшь за них благодарности. Он ускакал в кусты, даже не попрощавшись. Картонка зацепилась за ветку и повисла. Колобок не стала её снимать. Пошла дальше, держась левой стороны.

6.

Волк сидел на дороге перед большим кривым зеркалом в ржавой раме. Зеркало стояло на пеньке, подпёртое сзади палкой. Волк сосредоточенно поправлял причёску, хотя никакой причёски у него не было — серая шерсть торчала во все стороны как придётся. При виде Колобка он вздохнул так глубоко, что поднялась пыль с тропинки. — Ты кого ищешь? — спросил он, не оборачиваясь. — Себя, — сказала Колобок. Это слово вырвалось само собой, и она испуга-

лась, что звучит глупо. Но Волк не засмеялся. — О, — сказал он. — Ну, это надолго. Я тоже искал. Нашёл. Не понравилось. Теперь отрачиваю новую. Он показал на зеркало: — Посмотришь? Бесплатно. Первый взгляд — иллюзия, второй — разочарование, третий — принятие. Четвёртый обычно не нужен, потому — что зеркало врёт после третьего. Колобок подошла ближе. В кривом зеркале отражалась не она. Какая-то девушка с размазанным лицом, слишком длинной шеей и глазами на разной высоте. — Это не я, — сказала Колобок. — Конечно, не ты, — согласился Волк. — Это отражение твоих ожиданий. Хочешь, покажу, как выглядит моё новое я? Я его ещё не собрал, но черновик есть. Он достал из-за пазухи мятый лист бумаги и развернул. Там был нарисован углём волк с квадратной челюстью, маленькими ушами и надписью сверху: «Спокойный. Уверенный. Не ест зайцев даже по праздникам». Колобок посмотрела на рисунок. Потом на Волка. Потом на зеркало. — А зачем тебе новое я? Волк задумался. Почесал зеркальную раму когтем. — Чтобы меня боялись правильно, — сказал он наконец. — Сейчас меня боятся непонятно за что. Старый, говорят, злой. А я не злой. Я устал. Это разные вещи. Он вздохнул ещё раз, поправил зеркало и махнул лапой вперёд. — Иди уже. Медведя обойдёшь справа. Он по утрам жадина, а сейчас вечер — так что, возможно, даже чаем угостит. Если у него банки остались. Колобок пошла, но на полдороги обернулась: — А ты? — Что я? — Ты так и будешь сидеть у зеркала? — Пока

не отращу, — сказал Волк и отвернулся.

7.

Медведь сидел на огромном пеньке, перебирал пустые банки из-под мёда и старательно подписывал каждую фло-мастером. На некоторых было написано «Это был хороший мёд», на других — «Плохой день», на третьих — просто дата. — Это не мой мёд, — сказал он, не оборачиваясь. Колобок даже не поняла, откуда он узнал, что она здесь. — Это мёд прошлой жизни. Я теперь на сухарях. — Почему? — спросила Колобок, обходя пенёк справа, как велел Волк. — Потому что свой мёд я съел слишком быстро и не запомнил вкус. А чужой — он долгий. Его можно жалеть, перебирать, подписывать. Это занимает время. Медведь повернул голову. Глаза у него были маленькие, грустные, с каёмкой усталости вокруг. — Ты куда? — К себе, — сказала Колобок. Теперь она отвечала так увереннее. — Хорошая дорога, — сказал Медведь. — Только нигде не сворачивай на «попробуй понять». Это тупик. — Что значит «попробуй понять»? — А ты поймёшь, когда встретишь. Там табличка такая висит. Красивая. С цветочками. И под ней обычно сидит кто-нибудь и плачет, потому что пытается понять, почему его не любят так, как он хочет. Медведь поставил очередную банку в стопку. Стопка была высокая, неровная, вот-вот грозила рассыпаться. — И запомни, — добавил он, поднимаясь с

пенька во весь свой немалый рост. — Быть колобком — не диагноз. Просто тебя так слепили. А ты можешь перелепиться хоть заново. Тесто не резиновое, это да. Но оно и не каменное. Лепится. Он полез в карман своего рваного армяка, достал маленький горшочек. — Держи. Мёд. Не мой и не чужой. Просто мёд. Пригодится, когда забудешь, зачем идёшь. Колобок взяла горшочек. Медведь кивнул, сел обратно на пенёк и снова принялся перебирать банки.

8.

Дальше лес стал реже. Дорога раздваивалась. Налево — «Быстро, но шумно». На указателе кто-то приписал мелким почерком: «Там много разговоров, но мало смысла». Направо — «Долго, но без свидетелей». И приписка: «Зато будет время подумать, почему ты всё ещё здесь». Прямо — ни указателя, ни тропинки. Просто мох, старая варежка, забытая кем-то прошлой зимой, и тишина. Колобок постояла. Достала краюху из узелка. Отломила половину — бросила в мох. Половину оставила себе. — Зачем ты это сделала? — спросил кто-то сверху. Она подняла голову. На ветке сидела ворона с повязанным на шею бантиком — старым, выцветшим, но явно не случайным. — Чтобы не тащить лишнего, — сказала Колобок. — А вдруг потом голодная будешь? — Значит, найду ещё. Ворона наклонила голову. Сказала: — Ты странная. Обычно колобки от бабушки с дедушкой уходят, чтобы

их съели. А ты вон куда собралась. — Куда? — Прямо, — сказала ворона и показала крылом в ту сторону, где не было тропинки. — Туда никто не ходит. Потому что там ничего нет. — Вот и хорошо, — сказала Колобок и шагнула в мох. Варежка хрустнула под сапогом. Ворона не улетела, но и не сказала больше ни слова. Только смотрела вслед, пока Колобок не скрылась между серых стволов.

9.

Шла она долго. Лес постепенно менялся: берёзы кончились, начались ели, потом ели тоже расступились, и пошли кривые сосны с ободранной корой. Колобок не плакала. Не пела. Не разговаривала сама с собой. Она просто шла и чувствовала, как краюха в узелке теплеет — то ли от её тела, то ли сама по себе. Один раз она оглянулась. Сзади была только дорога. Ни дыма, ни голосов, ни деда с его тетрадь. — Я от бабушки ушла, — сказала она тихо. — Я от дедушки ушла. И вдруг поняла, что эти слова больше не звучат как жалоба. Они звучат как факт. Как точка. После которой можно начинать новое предложение. Лес шелестел над головой. Где-то далеко стучал дятел. В мох упала шишка. Колобок достала мёд из горшочка, мазнула на краюху, откусила. Сладко. Она улыбнулась первый раз за день. А может, и за последнее время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.